

Недочеловеки с Бродвея

С каждым новым сезоном в театральной прессе США все отчетливее слышатся жалобы, что американский театр истощил средства воздействия на зрителей. Бессодержательные комедии в стиле пьес Джорджа Кауфмана, еще недавно делавшие хорошие сборы, падают взыскать у зрительской скуки своим однообразием и пустотой. «Публика все с меньшей охотой расстается с деньгами», — сетует американский театральный критик. В условиях роста цен и беспрерывно продолжающегося ухудшения условий жизни в США деньги, конечно, играют важную роль. Но дело не только в деньгах. В самом зрительном зале даже в моменты «сногосшибательных» трюков рецензенты отмечают «равнодушные и апатичные». Прилеся «чисто развлекательный жанр», прилеся кровавые детективы и прочие, так называемые «черные», пьесы. В самый разгар самодетских страстей, когда на сцене один «герой» истязает другого «медленным способом» (как говорится в одной американской пьесе), из зрительного зала то и дело раздаются зовки.

Несмотря на подобную реакцию зрителей, американская критика делает все от нее зависящее, чтобы поддержать этот «жанр». Не случайно крупнейший в США театральный журнал «Театр арте» воспекает на своих страницах «творчество» некоего американского композитора и либреттиста Карло Менотти, итальянца по происхождению. Этот Карло Менотти, оказывается, «человек необычайно чистой души», он даже, видите ли, «боится мышей». «Но, — одобрительно добавляет автор статьи, — под его детской наивностью скрывается жажда крови», проявляющаяся во всех его «творениях». Так, основной сюжет «забавной», по выражению критика, «материнской драмы», претендующей на жанр балета, служит история двух извращенных девушек, закатывающих раба негра до смерти булавами. В другом «произ-

ведении» Менотти, которое на этот раз причислено к опере, изображен спиритический сеанс. Одна из участниц сеанса «чувствует прикосновение к своему горлу невидимой холодной руки и постепенно сходит с ума». «Эта опера леденит кровь», — с уважением отмечает критик. По его же словам, наиболее «ярким» местом каждой из шести опер Менотти является «пронзительный, истерический вопль о помощи»...

Исчерпав свои восторги по поводу «творчества» Менотти, журнал предоставляет слово самому композитору. Оказывается, уже в раннем детстве он проявлял многообещающие склонности и в возрасте пяти лет «сочинял архаические песни», а к десяти годам написал свои первые оперы, в которых, по его собственному свидетельству, «изображены убийства, самоубийства, изнасилования несчастных принцесс волосатыми чудовищами и т. п.». «Каждое воскресенье», — сообщает Менотти, — местный католический священник бесплатно раздавал билеты на эти спектакли детям, которые особенно благоговейно вели себя в церкви. В качестве иллюстрации к этому бреду в журнале приводится фотография одной из страниц альбома Менотти: тут и девочка с собачьей мордой, и мужчина с плавающими вместо ног, и мальчик с лицом идюта, выбрасывающий в окно маленькую горлоплазующую девочку...

Таков один из жалких героев расплава и разложения искусства в США. Само собой разумеется, что перед растлевающим душу творением Менотти широко открыты двери американских театров. В одном Нью-Йорке в 1949 году шли четыре его «оперы».

Увидев и тоску навевают на зрителя все эти извращения, прочно укоренившиеся во всех жанрах американского искусства» и свидетельствующим о его полном творческом маразме. Даже музыкальная комедия и эстрада перестали смешить

зрителя. «Штампы, господствующие на эстраде, — жаждутся американский критик, — всем давно приелись. Трюки, конферансье, устаревшие скетчи, плоские остроты потеряли силу неожиданной выдумки».

В качестве не просто «выдающегося», но лучшего, несравненного номера американской эстрады за 1949 год критика воспекает «Танец бабочки» в исполнении танцовщицы из Чикаго. В свете разноцветных прожекторов танцовщица размахивает большими крыльями. Всем хорошо известен этот старинный номер цирковой феории, и мы отнюдь не собираемся порочить столь почтенную древность. Вполне вероятно, что исполнительница является способной актрисой. Недаром американский корреспондент английского журнала «Театр уорлд» называет этот номер «единственным светлым пятном на общем фоне эстрады в Чикаго». Но восторги американских критиков, которые называют этот номер («350 ярдов шелка, 26 футов лучезарной красоты», — захлебываясь, пишет один из них) «легендарным по величию событием в жизни американского театра», вызывающим «трепет благоговейного восторга», ярко свидетельствуют о затхлом воздухе отсталого, зашедшего в безвыходный тупик, насквозь провинциального искусства.

Но «бабочки» американской эстрады — не всегда безвредные существа. Реакция стремится использовать и легкий жанр в своих целях. Основной темой всевозможных «шоу» и дивертисментов, служивших делу пропаганды американского образа жизни, является создание иллюзий, призванных увести среднего американца от окружающей его мрачной действительности. Однако и тут обнаруживается удивительное убожество фантазии, которая обычно не идет дальше, например, следующего избитого трюка: с неба вдруг падает дождь долларов, и мгновенно разбогатевшие бедняки танцуют новейшую разно-

видность «чарльстона». Но так как средний американец все менее начинает понимать, что если доллары и «падают с неба», то только в карманах больших «боссов», такого рода трюки, как видно из рецензии, уже далеко не имеют былого успеха.

Чтобы спасти свой бизнес от окончательного провала, руководители театральных и эстрадных предприятий, правда, очень осторожно, затрагивая темы, находящие живой отклик у зрительской массы. В тексте одной музыкальной комедии, напечатанной в прошлом году, находим, например, такого рода реплики: «Америка извещена своими гангстерами». — «Позволь, ты же сам говорил, что она известна своими миллионерами?» — «Видишь ли, название зависит от того, какую ты читаешь газету».

По все это, конечно, одно лишь заигрывание. По существу, тут пропущены совсем другие. В начале упомянутой нами музыкальной комедии восторженно говорится о грядущей «прекрасной новой жизни». Но в конце мы слышим о том, что эта «прекрасная новая жизнь» не больше, чем вымысел, иллюзия, созданная воображением. К тому же приему постоянно прибегают и реакционные драматурги «серьезного» жанра, например, Артур Миллер (в его последней пьесе «Смерть призрака»). Они рисуют невыносимо тяжелую жизнь «маленького» американца, но, рисуя ее, не говорят ни слова о великих творческих силах передового человечества, борющегося против капиталистического рабства. Они приводят описываемого им «маленького» человека в тупик безнадежного отчаяния, к жалкой смерти или самоубийству. Предназначение таких пьес — внушить рядовому американскому зрителю неверие в жизнь, неверие в борьбу за лучшее будущее. Недаром так шумно разрекламированы эти пьесы реакционной американской критикой.

Современный американский театр, как известно, старается внушить зрителям, что им прежде всего нужно научиться думать. Рекорд в этом

отношении недавно поставлен «легким жанром». По стоячей воде американского театра вдруг пробежала созданная всемогущей рекламой волна. Американский театр сказал «новое слово». В одном из последних номеров английского журнала «Театр уорлд» напечатана корреспонденция из Нью-Йорка, в которой попросту в хвалебном, по в каком-то непотоповосторженном тоне поется дифирамб новоявленной героине американского театра. Она, именно она, оказывается, должна быть названа величайшим событием в жизни вообще всего американского театра за целый год. Вй в грядущем будет посвящена «целая глава истории театра», имя же «станет легендарным», она «превзошла все предельные ожидания», созерцать ее — «неизъяснимое наслаждение». Рецензент даже отзывается подробно описать ее — до того она хороша. Вообще, по словам рецензента, это «нечто неповторимое». Захлебываясь от восторга, он сравнивает ее с «большой светящейся бомбой, разорвавшейся на Бродвее». Речь идет об актрисе, создавшей в одной из музыкальных комедий образ раснутой особы с бессмысленным выражением лица, раснутым ртом и глазами идюти — «крутыми», как леденцы». Эта проститутка только и делает, что получает дорогие подарки, а получивши их, танцует непристойные «буки-вуги», распевая о том, что «нет у девушек лучших друзей, чем бриллианты». «Ее глаза бессмысленно смотрят на мир», — чуть не рыдая от восхищения пишет рецензент. — «Она ничего не понимает, что происходит в окружающем, но она, конечно, победит все вокруг». Она совершенно бесловесна. В ее гнетимом мозгу ничего не осталось, кроме цинизма». И рецензент тут же изобретает слово, определяющее тот тип, который воплощен в данном образе: это — «сверхнедочеловек».

Недочеловек — вот последнее слово американского «театрального искусства», в котором, как в зеркале, отражается маразм современного капиталистического общества.

М. МОРОЗОВ.